

О судьбе самого раннего русского перевода Ветхого Завета

History of the Earliest Russian Old Testament Translation

**Кристина Юрьевна
Андерс**

Сибирский институт управления —
филиал РАНХиГС, Новосибирск,
Россия

Kristina Ju. Anders

Siberian Institute of Management
(Branch of RANEPА), Novosibirsk,
Russia

Резюме

В статье в историко-филологический научный обиход вводится неизвестный ранее рукописный памятник “Опыт перевода ветхозаветных книг [. . .] Михаилом Фотинским” (1806), рассматриваются история рукописи, обстоятельства создания перевода и его назначение, а также некоторые сведения о личности переводчика, обозначается место исследуемого перевода в широком историческом контексте.

Исследуемый перевод следует считать самой ранней попыткой русского перевода Ветхого Завета, более чем на 15 лет опережающей переводы Российского Библейского общества. Подготовленный перевод пяти ветхозаветных книг был направлен в 1806 году в Московскую духовную цензуру, с последующим прошением иерея Михаила Фотинского об официальном повелении ему переводить весь Ветхий Завет. Однако цензорами было принято решение оставить перевод в архиве, и дальнейшего развития инициатива не имела. В качестве причин невнимания современников к переводу указываются неупорядоченность языка (яркие украинские черты идиолекта переводчика) и слабая литературная обработанность текста (перевод-подстрочник). Перевод Михаила Фо-

тинского сопровождается обширным комментарием, причем большое внимание уделяется древнееврейскому тексту и иудейской экзегезе, демонстрируется возможность возникновения разных трактовок в силу текстовой многозначности оригинала.

Ключевые слова

библейские переводы, Библия, перевод, подстрочник, украинизмы, Московская духовная цензура, Российское Библейское общество

Abstract

This paper introduces a previously unstudied manuscript, "Opyt perevoda vetkhozavetnykh knig [. . .] Mikhailom Fotinskim" (1806). In this article, we analyze the history of this manuscript, the circumstances surrounding the translation, and its purpose; some personal facts about the translator are also reviewed. This source represents the earliest Russian translation of the Old Testament, antedating by more than fifteen years the Russian Bible Society translations. Rev. Mikhail Fotinsky's translation of five Old Testament books (only two ones in the Genesis) was sent to the Moscow Religious Censorship Committee (Moskovskaia Dukhovnaia tsenzura) in 1806, and the next year, Fotinsky asked the Censorship Committee to allow him to make a translation of the entire Old Testament. However, the censors left the manuscript in their repository, and there was no further development on this project. Contemporaries ignored this translation for several reasons. The first reason might be related to language: Fotinsky's translation includes many Ukrainian elements. The second reason relates to its literary quality (or lack thereof), as the translation was interlinear and thus not stylistically developed. The manuscript contains many commentaries by Fotinsky, who concentrated on the Hebrew original and Judaic exegesis, trying to show different interpretations that may have occurred as a result of the polysemy of the original text.

Keywords

Bible translation, interlinear translation, 19th century, religious censorship, Russian Bible Society

Введение

В начале XIX века вопрос о необходимости появления русского перевода Священного Писания стоял очень остро и был требованием времени. Как пишет известный отечественный библеист А. А. Алексеев, "идея перевода Библии на русский язык носилась в либеральной атмосфере Александровского царствования" [АЛЕКСЕЕВ 2002: 7].

Полуофициальная попытка обсуждения вопроса о русском переводе Библии на самом высоком государственном и церковном уровнях впервые была предпринята еще в 1803 году обер-прокурором А. А. Яковлевым, который "докладывал о том Государю, и он изволил отозваться, что если Синод не найдет со своей стороны в том противного, то и он не изволит воспрепятствовать", однако митрополит Амвросий (Подо-

бедов) не дал своего согласия и пресек эту идею [Тихомиров 2005: 43].

Возникшее в 1812 году по образцу Британского императорского библейского общества, Российское библейское общество (РБО) выполнило несколько переводов Библии на языки народов Российской империи и подчеркнуло “странное отсутствие” русского ее перевода. Председателем РБО являлся обер-прокурор Св. Синода князь А. Н. Голицын, который сумел реализовать масштабный проект по переводу Священного Писания на русский язык,¹ сообщив в феврале 1816 года Св. Синоду “искреннее и точное желание Его Величества доставить и россиянам способ читать слово Божие на природном своем российском языке” [Чистович 1899: 25]. В результате деятельности Переводного комитета РБО был подготовлен перевод Нового Завета, а также Псалтири и Восьмикнижия. Перевод Псалтири с 1820 г., выполнял гебраист прот. Герасим Павский; опубликован он был в 1822 г. К 1825 году им были переведены книги Восьмикнижия: пять книг Моисеевых, книги Иисуса Навина, Судей и Руфь [Астафьев 1889: 144]. Параллельно с этим в 1814 году арх. Филарет (Дроздов) издает “Опыт изъяснения псалма LXVII”, где представлен русский перевод псалма с еврейского оригинала, а в 1819 году был опубликован его перевод с древнееврейского оригинала кн. Бытия, дополненный по Септуагинте [Алексеев 2003: 153]. Именно эти переводы исследователи — от классической книги И. А. Чистовича [1899: 323] и до современных работ [Алексеев 2003: 153, Тихомиров 2005: 46, Балута 2012: 56 и др.] — называют первыми переводами Ветхого Завета на русский язык.

За переводом РБО закрепилось парафрастическое именование “первый русский перевод”, сложившееся в силу историографической традиции: оно отражает первый масштабный опыт перевода Библии на государственном уровне, однако этот перевод не может считаться самой ранней попыткой перевода Библии на русский язык.

Как наиболее ранний в Московской Руси опыт перевода текста Священного Писания на язык, отличный от канонического церковнославянского, известен перевод Псалтири Авраамия Фирсова, выполненный в 1683 г. с польского оригинала Брестской Библии, на “простой обыклои словенской” язык [Целунова 2006:7]. История также располагает некоторыми данными о переводе Библии конца XVII в. протестантским пастором Эрнстом Глюком с церковнославянского языка на русский, однако этот перевод не сохранился [Алексеев 2003:153].

В архивах Научно-исследовательского отдела рукописей Россий-

---

¹ Как заключает Тихомиров в своем исследовании, сама идея выполнения русского перевода Библии, вероятно, исходила от архимандрита Филарета (Дроздова), который был на тот момент ректором С.-Петербургской духовной академии.

ской государственной библиотеки хранится рукописная книга “Опыт перевода точного ветхосвященных книг из подлинного еврейского на российский по еврейскому переводу, как они сами переводят, с приложением некоторых их изъяснений. Учinen наместником иереем Михаилом Фотинским 1806 года” [МДА-II.12]. Эта рукопись, ныне общедоступная в электронной фотоконии на сайте Троице-Сергиевой лавры, мало известна научному сообществу и потому не упоминается в исследованиях по истории библейских переводов на русский язык.

В данной статье представлена попытка реконструкции истории этого неизвестного памятника, а также предлагаются некоторые предварительные замечания о судьбе самого раннего русского перевода ветхозаветных книг.

1. Краткая характеристика рукописи

Рукопись имеет объем 142 листа, формат 4° (10,5×17,5 см), в коричневом кожаном переплете, написана одним почерком — отдельной скорописью второй половины XVIII века.

Рукопись состоит из двух отделов: переводческие предуведомления, в которых иерей Михаил Фотинский формулирует некоторые принципы перевода, а также собственно перевод пяти библейских книг: Бытия (главы 1, 2), Ионы, Малахии, Псалтири и Песни Песней.

С точки зрения структуры текст перевода состоит из двух частей: основной текст перевода и комментарии к каждой главе переведенного текста. Для этого автор использует систему сносок, обозначающих места, которые нуждаются в комментировании. Знаки сносок представляют собой буквы церковнославянского алфавита (включая такие графемы, как *ω*, *s*, *̄ω*, *ϑ*, *ν*, *̄ξ* и *Ψ*), записанные определенным образом: в круглых скобках между двоеточиями, например (:a:). Эти примечания помещаются после каждой главы текста под горизонтальной чертой. Счёт сносок начинается заново с (:a:) для каждой последующей главы.

Переводческие комментарии, которые, судя по Предуведомлениям, были запланированы как толкования библейского текста, представляют собой массив сопутствующей переводу разнородной информации, в связи с чем они не поддаются классификации. В них представлены различные текстологические, экзегетические, лингвистические данные, сведения по библейской истории и пр.²

---

² Примеры некоторых переводческих комментариев будут подробно рассмотрены ниже.

2. История рукописи

Исследуемый памятник входит в состав фонда 173.II — дополнительно-го собрания Библиотеки Московской духовной академии, но упоминание о рукописи “Опыт перевода ветхосвященных книг [. . .] Михаилом Фотинским” присутствует среди документов архива Московской духовной академии — в материалах Московской духовной цензуры [*Материалы цензуры*].

Фактографические сведения о рукописи получены нами из делопроизводительского документа — “Описи ценсурских архивных бумаг, 1799–1812 дек. 31-го” [*Материалы цензуры*], а также почерпнуты из самих архивных дел цензуры [*Архив цензуры*].

В разделе “Описи ценсурских бумаг за 1806 год” под порядковым номером 158 значится:

Дѣло о книгѣ: Опытъ перевода точнаго ветхосвященныхъ книгъ изъ подлиннаго Еврейскаго на Россійскій по Еврейскому переводу, какъ они сами переводятъ съ приложеніемъ нѣкоторыхъ ихъ изъясненій, присланной при прошеніи Кіевской Губерніи повѣтаго города Радомышля Троицкой Соборной церкви отъ намѣстника іерея Фотинскаго. Протоколь о принятіи вышеозначенной книги о внесеніи ея в настольный Реестръ и объ увѣдомленіи переводчика о полученіи ея цензурою, учиненъ сентября 17го дня. Книга сія оставлена в цензурскомъ архивѣ [*Материалы цензуры*: л. 75 об.].

Рукопись в 1806 году прислана в Московскую духовную цензуру в Донской монастырь, где была рассмотрена и оставлена в цензурском архиве, а в 1828 году вместе с архивом МДЦ передана в Московский комитет по цензуре и, таким образом, оказалась в Троице-Сергиевой лавре.

На рукописи имеется номерной экслибрис “№ 12 *дополнительное собрание Библиотеки МДА” (более ранние книжные знаки отсутствуют), следовательно, формально в состав библиотеки она вошла в 1853 г. (или чуть позже), после создания по указу Синода (от 31 мая 1853 г.) дополнительного собрания библиотеки МДА, которое включало в себя большую часть вновь поступающих рукописей и в которое также перешли некоторые рукописи библиотеки из первой трети XIX века [*Указатель ГБЛ*: 110].

Точно неизвестно, в какое время и при каких условиях рукопись была извлечена из архивных документов Московской духовной цензуры и включена в состав библиотеки МДА, но в “Каталоге русских книг и рукописей библиотеки Московской духовной академии” [*Каталог МДА*], составленном в 1830-е гг., исследуемый манускрипт отсутствует, а порядковый номер 12 экслибриса указывает на раннее включение рукописи в состав дополнительного собрания. Сам перенос рукописи из цензурского архива в библиотеку стал возможен, вероятно, из-за ее внешнего вида: рукопись выглядит как

“книжица”, объемна и хорошо сшита, в кожаном переплете. Вопрос о времени и месте ее нахождения представляется значимым, так как ответ на него позволяет оценить вероятную степень знакомства с нею современников: если до 1853 года перевод хранился среди архивных бумаг Московской духовной цензуры (а не в составе библиотеки), то он был практически недоступен для современников.

3. Переводчик иерей Михаил Фотинский

В “Описи ценсурских архивных бумаг, 1799–1812 дек. 31-го” находится информация о переводчике — иерее Михаиле Фотинском, наместнике Троицкой Соборной церкви города Радомышля Киевской губернии.

Радомышль — небольшой город на северо-западе Украины, который с 1746 года являлся резиденцией униатских киевских митрополитов [Селиванов, Тутковский 1899: 96]. В 1795 году была ликвидирована Киевская униатская митрополия, и город стал частью Волынской, а в 1797 г. — Киевской губернии. Собор Святой Троицы в Радомышле, который являлся кафедральным у греко-униатских священников, был превращен в православную Троицкую Соборную церковь, настоятелем которой и являлся иерей Фотинский [Доклады 1914: 92].

В настоящее время мы не располагаем точными персональными данными об иерее Михаиле Фотинском, поэтому можем только предполагать, что он был православным священником, выходцем из южнорусских или малоросских губерний Российской империи, возможно, присланным в Радомышль из Киева. В пользу невеликорусского происхождения переводчика свидетельствует лингвистический анализ его перевода ветхозаветных книг.

Одной из самых ярких особенностей идиолекта М. Фотинского являются украинские элементы, они системны и стилистически нейтральны. Так как в цели статьи не входит описание языка исследуемого памятника, мы лишь кратко назовем основные лингвистические явления: неразличение гласных *и/ы*: *синъ*, *перельываемый* и *переливается*, *пригаеть*; билабиальное произношение согласного *в* в позиции перед согласным: *върую у тебе*; переход *ъ* в *і*: *благодіяніе*; лексические украинизмы: *сволоки* ‘балки’, *ланцугами* ‘цепями’, *пупяшки* ‘почки’, *мармурные* ‘мраморные’, *муръ* ‘стена’, *ластовица* ‘ласточка’.

Для выяснения уровня компетенции в древнееврейском языке священника-переводчика необходимо обратиться к состоянию православной гebraистики в России в XVIII в. Так, Е. И. Кислова заключает, что знание древнееврейского языка распространяется среди российского

духовенства в XVIII в., что связано с развитием системы духовного образования, в том числе и активного переноса украинской традиции духовного образования на великорусские земли, ведь Киевская академия до конца XVIII в. служила образцом для всех учебных заведений. Кроме того, не исключается и протестантское влияние:

Развитие преподавания древнееврейского, вероятно, стимулировалось более тесным контактом с территориями Прибалтики, в которых изучение этого языка уже было укоренено как элемент подготовки богословов протестантского вероисповедания . . . [Кислова 2013: 38]

В библиотеке Киевской духовной академии с XVII в. хранились Библии на древнееврейском языке (об этом см. ниже), а также вспомогательная лингвистическая литература: “. . . халдейский, талмудический и раввинистический лексикон Й. Буксдорфа (Базель, 1639); еврейско-халдейско-греко-немецкий словарь (без титула) [. . .] учебник еврейского и халдейского языков Буксдорфа (Базель, 1631); еврейская грамматика Михаэлиса (Братислава, 1748); многочисленные грамматики древних семитских языков: еврейские, халдейские, сирийские; [. . .] других авторов” [Головащенко 2011б]. Такое обилие специальной лингвистической литературы свидетельствует об определенном интересе читателей библиотеки к древнееврейскому тексту Священного Писания, что, возможно, способствовало работе над библейским оригиналом и древними переводами.

Среди украинских, прежде всего киевских, интеллектуалов — Иннокентия Гизеля, Андрея Мужилковского, Петра Могилы, Афанасия Миславского, Феофана Прокоповича и других — уже с кон. XVII — нач. XVIII в. было распространено знание древнееврейского языка: “. . . они нередко пользовались еврейскими текстами библейских книг, а также раввинистическими комментариями на еврейском языке; в их библиотеках были соответствующие издания, равно как и пособия для изучения древнееврейского языка” [Головащенко 2011б].

Ко времени появления перевода М. Фотинского знание древнееврейского языка воспринималось как обязательный компонент полного богословского образования. Известно, что преподавание древнееврейского языка велось на протяжении всего XVIII в. уже не только в Киевской академии, но и в Московской и в семинарии Троице-Сергиевой лавры [Кислова 2013: 41]. Таким образом, переводчик Фотинский имел возможность изучить библейский язык в одном из духовных учебных заведений и, вероятнее всего, в Киеве.³

³ Несмотря на достаточный уровень владения переводчиком древнееврейским языком, иногда в его переводе наблюдаются “ошибки”, связанные с неверным чтением и установлением корня, что влечет за собой семантические несоответствия. Рассмотрим, например, следующий стих из перевода: Песн 6:10

Кроме того, следует упомянуть еще один косвенный аргумент, который позволяет предполагать, что переводчик мог иметь отношение к Киеву. В комментарии к переводу “сложного” пророческого места в Пс 22:17 “*ибо окружили мене пси, собрание коварных обступили мене, прокололи руки мои и ноги мои*” Михаил Фотинский предлагает подробный текстологический комментарий:

вмѣсто сего слова: прокололи: еврее перевели: какъ левъ, т. е. какъ левъ устами, такъ они сокрушили руки мои и ноги мои; потому что в подлинникѣ написано: каарѣ, что значить: какъ левъ, и въ бібліях ихъ печатей по масорету, т.е. ихъ преданію, керѣ или исправка чтенія къ смыслу и содержанію (:что много въ ветхом Свящ: пис: на полахъ страницъ находится:) тутъ не имѣется; въ бібліях же хрiстіанскихъ печатей, **какъ въ липсіи 1725 года въ 8ху рейнекціа**, здесь справка указуетъ читать, не каарѣ, но кару, что значить: прокололи, и означаетъ ранъ хрiстовых. . . [МДА-II.12: л. 36].

Под упоминаемой М. Фотинским Библией “въ липсіи 1725 года въ 8ху рейнекціа” следует понимать латинское издание древнееврейского библейского текста “*Biblia hebraica ad optimorum codicum et editionum fidem recensita et expressa*”, напечатанное в Лейпциге в 1725 г. Кристианом Рейнеком (лат. Christianus Reineccius) — христианским протестантским исследователем-библеистом [Maas 1909; Siegfried 1889]. Вероятно, переводчик имел возможность лично работать с этим изданием: он приводит полное описание книги, упоминая даже формат издания. По данным латинского каталога книг библиотеки Киевской духовной академии (КДА), составленного около 1792 г., в ней насчитывалось 13 (!) экземпляров древнееврейской Библии Рейнекциа [Головащенко 2011а]. Конечно, возможно, что М. Фотинский работал с другим экземпляром “липсіи 1725 года”, не имеющим отношения к библиотеке КДА, однако количественные сведения из каталога демонстрируют доступность и определенное распространение древнееврейских Библий на территории Украины.

Интересен этнический состав жителей городка Радомышля, находившегося в пределах черты постоянной еврейской оседлости. После второго раздела Польши в 1793 г. к России отошли Подолия и Волынь с многочисленным еврейским населением. В июне 1794 г. черта оседлости была расширена, и евреям стало разрешено селиться в Киевской, Черниговской и Полтавской губерниях. К 1797 г. на

красная какъ ливанъ. Употребленное в оригинале древнееврейское לַיָּרֵךְ /ləḇānā/ значит ‘луна’, но Фотинский прочитывает здесь другую, близкую по форме, лексему לִיבָנוֹן /ləḇānōn/ ‘Ливан’. Эта “ошибка” свидетельствует о том, что переводчик полностью сконцентрирован на древнееврейском тексте, причем на его формальной стороне, т. к. смысловый параллелизм этого стиха явно демонстрирует несоответствие такого перевода: *кто сія низглядая какъ утренная заря, красная какъ ливанъ, чистая какъ солнце*.

территории Украины проживало около 200 тыс. евреев [КЕЭ 1996]. Известно, что в Радомышле, который в 1795 г. становится уездным городом Волынской губернии, а с 1797 г. — Киевской, в 1803 г. работали две еврейские школы [ЦГИАК-68: л. 70 об.], следовательно, в городке была достаточно велика еврейская община. Таким образом, у иерея Фотинского была возможность находиться в непосредственном контакте с иудеями-“соседями”: он мог обращаться к ним за помощью в истолковании и прочтении определенных мест, что и способствовало выполнению перевода “какъ они самы [евреи. — К. А.] переводятъ”.

Продолжая разговор о личности переводчика, отметим, что иерей Михаил Фотинский был автором не только исследуемого перевода. В “Описи ценсурских архивных бумаг, 1799–1812 дек. 31-го” представлена информация о других его книгах:

отъ того же намѣстника іерея Михайла Фотинскаго присланы при прошеніи двѣ книжицы подѣ названіемъ: 1я правила о сродствѣ отъ прочіихъ къ супружеству препятствъ часто въ обществѣ случающемся, 2я календарь или мѣсяцесловъ церковной Греко-Россійскій. Протоколь о принятіи по внесеніи помянутыхъ книгъ въ Настольный Резстръ, учиненъ декабря 24го дня. Книги сіи, 1я правила о сродствѣ и проч. и 2я Календарь и проч. яко въ своемъ родѣ излишнія, возвращены къ сочинителю при сообщеніи [*Материалы цензуры*: 76].

По причине того, что эти книги были возвращены автору, их нет в архивном доступе (по крайней мере, в архивах г. Москвы), и потому не представляется возможным составить представление о них.

4. Назначение перевода

Несмотря на взаимодействие переводчика с иудеями и намерение продемонстрировать читателю иудейскую интерпретацию, перевод, конечно, не может восприниматься как просемитский.

В главе Предупреждения сам иерей Михаил Фотинский так характеризует основные цели своего перевода и еврейских толкований:

много что показалось хрїстіанству противное, и до переводу и смыслу ненужное, или за обыкновенные имѣ [евреям. — К. А.] басни и забобоны, или и непристойное, хотя любопытное, и къ обличенію ихъ, а защищенію и лучшему изъясненію хрїстіанской истины служащее, но опасаясь нѣкоторымъ претиканія и соблазны, оставилъ я, а выбиралъ я съ возможною осторожностію, что показалось полезное, нужное и вѣроятія или примѣчанія достойное, ибо и изъ гною золота выбирается, и пчела изъ разнаго сорту беретъ, и составляетъ медь [*МДА-II.12*: л. 5].

Присутствующие в переводе Михаила Фотинского иудейские интерпретации имеют ознакомительный характер. Автор готовит перевод, в котором

старается максимально показать читателю оригинал священного текста (как формально, так и содержательно). В то же время иудейские толкования используются переводчиком в качестве обличительного средства против иудаизма. При расхождении христианского понимания с иудейским прочтением последнее однозначно определяется автором как ересь, “смешные ихъ басни” и “забобоны”. Лексема *забобоны*, первоначально выступавшая как синоним слова *суеверия* и относящаяся к характеристике нехристианских религиозных традиций, со второй половины XVIII в. употребляется преимущественно в пейоративном значении ‘вздор, враки, нелепые рассказы’ [Живов 2012: 144]. Таким образом, Михаил Фотинский демонстрирует неодобрение, порицание и несостоятельность иноверных трактовок и подчеркивает истину христианской догматики.

В “Описи ценсурских архивных бумаг, 1799–1812 дек. 31-го” под порядковым номером 159 приведена следующая информация:

Отъ того же іерея Михаила Фотинскаго отъ 19го июня 1807го года прошеніе, въ которомъ прописываетъ, что онъ намерень перевести всѣ вѣтхосвященныя книги съ Еврейскаго на Россійскій, и чтобы Д. цензура представила о повѣленіи переводить ему Св. Писаніе [*Материалы цензуры*: л. 76 об.].

Выполнив перевод пяти ветхозаветных книг, переводчик представил их в цензуру для рассмотрения, но сверхзадачей иерея Михаила Фотинского был перевод всего Ветхого Завета целиком. Для этого он просит Духовную цензуру официально “повелеть” ему переводить Священное Писание. Официальное поручение от Духовной цензуры, которая находилась в непосредственном ведении Синода, могло предоставить переводчику дополнительные возможности. Во-первых, разрешение и поддержку его инициативы в выполнении перевода, во-вторых, высокую вероятность издания, в-третьих, возможное материальное вознаграждение переводчику. Однако сам факт такого прошения был воспринят цензорами как дерзновение. Такая резолюция значится на листе прошения:

Увѣдомить просителя, что Цензура не находитъ нужды представлять о повелѣніи переводить ему Св. Писаніе съ еврейскаго языка; а когда есть его усердіе къ пользѣ Церкви Божіей, то онъ и безъ повелѣнія въ полезныхъ для нее трудахъ упражняться можетъ [*Архив цензуры*: л. 5].

Переводчик подразумевал, что он подготовит русский перевод Ветхого Завета для широкого читателя, который пожелает разобраться в оригинальном тексте, получив при этом сопроводительную информацию из обширного комментария. Замысел перевода сформулирован переводчиком в Приношении в Московскую духовную цензуру:

Усмотрѣль я, что изъ ветхаго Священнаго Писанія переводы, какъ славенно-россійскій, такъ и другихъ языковъ, на многихъ мѣстахъ, несумнительнаго въ невредимости подлинника, т.е. еврейскаго, противъ перевода еврейскаго и точности, или весьма далеко отстоятъ, или и совсѣмъ на другое значеніе перемѣнены [. . .] по чему ревностно дерзнулъ я здѣлать сей опытъ въ 1выхъ быт: 2хъ главахъ, въ книгахъ: Ионы, малъахіа, псалтири и пѣснь пѣсней, желая за повелѣніемъ и помощію, всѣхъ оныхъ ветхо-священныхъ книгъ съ ряду симъ образомъ изъ еврейскаго на россійскій перевесть, съ намѣреніемъ въ пользу общую [*Архив цензуры*: л. 1].

Таким образом, перевод был задуман как перевод-толкование, перевод-комментарий к тексту оригинала. Он должен был восприниматься как в с п о м о г а т е л ь н а я версия Священного Писания для лучшего понимания, “уразумения” христианской истины. Выбранный переводчиком в качестве метода “точный”, то есть дословный перевод, из-за естественной разницы в лексическом объеме исходного и переводящего языков часто превращает перевод Михаила Фотинского в подстрочник. Автор выполнял с п е ц и а л ь н ы й (прикладной) перевод, поэтому литературная и тем более художественная обработанность текста перевода не входила в его задачи, однако переводчик последовательно сохраняет выбранную стилистическую концепцию. Такой перевод, возможно, мог также предназначаться для обучения студентов в семинарии, которые могли использовать его вместе с комментарием на занятиях по изучению Ветхого Завета и древнееврейскому языку.

5. Судьба перевода

Обстоятельства сложились таким образом, что исследуемый перевод не привлек к себе должного внимания современников.

Несмотря на то что необходимость в русском переводе Священного Писания в начале XIX века была ощутимой и возникновение перевода Ветхого Завета было естественным и гармоничным, парадоксальным образом оказалось, что иерей Михаил Фотинский предпринял свою инициативу слишком рано, опережая время. Цензоры Московской духовной цензуры, получив перевод Фотинского, приняли решение оставить его в цензурском архиве, как будто ожидая наступления подходящего времени и случая для его рассмотрения. Но когда подходящее время пришло (спустя шесть лет было образовано РБО), активной деятельностью занялись другие яркие личности, а перевод Фотинского так и остался в архиве Московской духовной цензуры.

К сожалению, мы не располагаем точными данными о степени знакомства современников с переводом Фотинского, но, вероятней всего, оно было незначительным, если не отсутствовало совершенно.

Известно, что “повеления переводить ему Св. Писание” от Духовной цензуры он не получил и в более поздней переводческой деятельности замечен не был.

Выше мы уже отмечаем слабую литературную обработанность текста перевода, что не могло положительно влиять на восприятие его цензорами. Безусловно, перевод М. Фотинского не выдерживает никакого сравнения с переводом ветхозаветных книг Российского библейского общества (1822–1826 гг.) и тем более с Синодальным переводом не только в силу своей художественной недостаточности, но и по причине различия между переводами в их назначении и переводческих установках. Перевод РБО был запланирован как параллельный церковнославянскому перевод на русский “для постижения христианского учения в частной, домашней обстановке” [АЛЕКСЕЕВ 2002: 33]. В недавнем исследовании А. Г. Кравецкого представлены данные, которые убедительно демонстрируют, что перевод РБО был адресован узкой читательской аудитории, а именно представителям “социальной элиты”, плохо владеющим церковнославянским языком и вынужденным прибегать к помощи европейских переводов. [КРАВЕЦКИЙ 2015: 190–197]. Синодальный перевод “с самого начала функционировал как самостоятельная, а не подсобная версия Св. Писания и притом заведомо единственная на русском языке” [АЛЕКСЕЕВ 2002: 34]. А перевод-подстрочник М. Фотинского выполнен с целью познакомить широкого читателя с древнееврейским оригиналом Ветхого Завета и продемонстрировать возможность возникновения нескольких трактовок в силу текстовой многозначности оригинала. Однако перевод для такого назначения, вероятно, не был востребован у современников Михаила Фотинского.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что “Опыт перевода ветхозаветных книг. . .” Михаила Фотинского следует считать самой ранней попыткой перевода части Ветхого Завета на русский язык с древнееврейского оригинала, но перевода специального, не претендующего на роль самостоятельного и самодостаточного. В данной статье затронуты лишь некоторые аспекты, связанные с историческим контекстом и судьбой перевода Михаила Фотинского. В перспективе исследование направлено на составление более полного представления о памятнике, с необходимым дальнейшим привлечением архивного материала и данных о лицах, которым мог быть известен этот перевод (цензоры Московской духовной цензуры), а также расширение сведений о личности переводчика.

Библиография

Сокращённые названия библиотек и архивов

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва

ЦГИАК — Центральный государственный исторический архив Украины, Киев

ЦГАМ — Центральный государственный архив г. Москвы

Рукописные источники

Архив цензуры

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, т. 603, Архивные дела цензуры.

Каталог МДА

НИОР РГБ, ф. 173.I (Фундаментальное собрание библиотеки Московской духовной академии), ед. хр. № 616, *Каталог русских книг и рукописей библиотеки Московской духовной академии.*

Материалы цензуры

НИОР РГБ, ф. 172, т. 1, к. 83, ед. хр. № 16, *Материалы Московской духовной цензуры.*

МДА-II.12

НИОР РГБ, ф. 173.II (дополнительное собрание Московской духовной академии), № 12, скоропись, второй половины XVIII в. *Опыт перевода точнаго ветхо-священныхъ книгъ изъ подлиннаго еврейскаго на російскій, по еврейскому переводу, какъ они самы переводять, съ приложениемъ нѣкоторыхъ ихъ изъясненій учиненъ Намѣстникомъ Иереємъ Михайломъ Фотинскимъ 1806 года* (цит. по интернет-изданию электронной фотоконии на сайте Свято-Троицкой Сергиевой лавры: <http://old.stsl.ru/manuscripts/>; последнее обращение: 05.12.2015).

ЦГИАК-68

ЦГИАК, ф. 442, оп. 660, дело 68.

Литература

АЛЕКСЕЕВ 2002

АЛЕКСЕЕВ А. А., “Первый русский перевод Нового Завета в издании 1823 года”, в: *Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков*, Москва, 2002, 7–38.

——— 2003

АЛЕКСЕЕВ А. А., “Переводы Священного Писания на русский язык”, в: *Православная энциклопедия*, 5, Москва, 2003, 153–161.

АСТАФЬЕВ 1889

АСТАФЬЕВ Н. А., *Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравами*, С.-Петербург, 1889.

Балута 2012

Балута А. А., “История перевода Библии на русский язык”, в: А. А. Балута, Н. Г. Епифанцева, А. Д. Кузьмина, О. В. Ряховская, *Библейский текст и особенности его перевода*, Москва, 2012, 33–60.

Головащенко 2011а

Головащенко С. И., “Библия и библиологическая литература в Киево-Могилянской Академии конца XVIII – начала XIX ст.: тексты, жанры, традиции (Из опытов реконструкции духовно-интеллектуального наследия КДА)”, *Труди Київської Духовної Академії*, 15, 2011, 23–40.

— 2011б

Головащенко С. И., “Древнееврейский язык в КДА как язык Библии: культурно-конфессиональные и идеологические обстоятельства изучения и преподавания”, в: *Иудейско-христианские отношения. Христианско-иудейский диалог: проблемы и мнения*, 01.09.2011 (удаленный ресурс; режим доступа: <http://www.jcrelations.net/>; последнее обращение: 28.03.2016).

Доклады 1914

Доклады Радомысльской уездной земской управы, 1, Радомысль, 1914.

Живов 2012

Живов В. М., “Суеверия и забобоны”, в: В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий, ред., *Эволюция понятий в свете истории русской культуры*, Москва, 2012, 130–150.

КЕЭ 1996

“Украина. Евреи в населенных украинцами регионах Российской и Австрийской империй (конец 18 в. – 1914 г.)”, в: *Краткая еврейская энциклопедия*, 8, Иерусалим, 1996, 1187–1211 (цит. по интернет-изданию *Электронная еврейская энциклопедия*, режим доступа: <http://www.eleven.co.il/>; последнее обращение: 05.12.2015).

Кислова 2013

Кислова Е. И., “Древнееврейский язык в православных учебных заведениях в России XVIII в. (К истории лингвистической компетенции церковной среды)”, *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 1, 2013, 35–50.

Кравецкий 2015

Кравецкий А. Г., “Социолингвистические аспекты первых переводов Библии на русский язык”, *Slověne = Словѣне*, 4/1, 2015, 191–203.

Селиванов, Тутковский 1899

<Селиванов А. Ф., Тутковский П. А.>, “Радомысль”, в: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, изд., *Энциклопедический словарь*, 26, С.-Петербург, 1899, 96–98.

Тихомиров 2005

Тихомиров Б. А., “Первый русский перевод Библии: позиция светской и церковной власти”, в: *Материалы XV Ежегодной Богословской конференции ПСТГУ*, Москва, 2005, 42–54.

УКАЗАТЕЛЬ ГБЛ

Рукописные собрания государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: указатель, 1/2: 1917–1947 гг., Москва, 1986.

Целунова 2006

Целунова Е. А., предисл., исслед. и т. п., *Псалтирь 1683 года в переводе Авраамия Фирсова: Текст, словоуказатель, исследование*, Москва, 2006.

Чистович 1899

Чистович И. А., *История перевода Библии на русский язык*, 2-е изд., С.-Петербург, 1899 (репринт: Москва, 1997).

MAAS 1909

MAAS A. J., "Editions of the Bible," in: *The Catholic Encyclopedia*, 5, 1909 (цит. по интернет-изданию *The Original Catholic Encyclopedia*, режим доступа: <http://oce.catholic.com/>; последнее обращение: 05.12.2015).

SIEGFRIED 1889

SIEGFRIED C., "Reineccius. Christian," in: *Allgemeine Deutsche Biographie*, 28, Leipzig, 1889, 15–17 (цит. по интернет-изданию *Deutsche Biographie*, режим доступа: <http://www.deutsche-biographie.de/>; последнее обращение: 05.12.2015).

References

Alekseev A. A., "Pervyi russkii perevod Novogo Zaveta v izdani 1823 goda," in: *Rol' perevodov Biblii v stanovlenii i razvitii slavianskikh literaturnykh iazykov*, Moscow, 2002, 7–38.

Alekseev A. A., "Perevody Sviashchennogo Pisanii na russkii iazyk," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 5, Moscow, 2003, 153–161.

Baluta A. A., "Istoriia perevoda Biblii na russkii iazyk," in: A. A. Baluta, N. G. Epifantseva, A. D. Kuz'mina, O. V. Ryakhovskaya, *Bibleiskii tekst i osobennosti ego perevoda*, Moscow, 2012, 33–60.

Golovashchenko S. I., "Bibliia i bibliologicheskaia literatura v Kievo-Mogilianskoi Akademii kontsa XVIII – nachala XIX st.: teksty, zhanry, traditsii (Iz opytov rekonstruktsii dukhovno-intellektual'nogo naslediiia KDA)," *Trudy Kyivs'koi Dukhovnoi Akademii*, 15, 2011, 23–40.

Golovashchenko S. I., "Drevneevreiskii iazyk v KDA kak iazyk Biblii: kul'turno-konfessional'nye i ideologicheskie obstoiatel'stva izucheniia i prepodavaniia," in: *Jewish-Christian Relations: Insights and Issues in the ongoing Jewish-Christian*

Dialogue, 2011.09.01 (online access: <http://www.jcrelations.net>; access: 05.01.2016).

Kislova E. I., "Classical Hebrew in the 18th Century Russia's Orthodox Educational Establishments (towards the history of linguistic competence in ecclesiastical circles)," in: *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 1, 2013, 35–50.

Kravetsky A. G., "Sociolinguistic Aspects of the First Translations of the Bible into the Russian Language," *Slověne*, 4/1, 2015, 191–203.

Tikhomirov B. A., "Pervyi russkii perevod Biblii: pozitsiia svetskoi i tserkovnoi vlasti," in: *Materialy XV Ezhegodnoi Bogoslovskoi konferentsii PSTGU*, Moscow, 2005, 42–54.

Tselunova E. A., ed., *Psaltir' 1683 goda v perevode Avraamiia Firsova: Tekst, slovoukazatel', issledovanie*, Moscow, 2006.

Zhivov V. M., "Sueverii i zabobony," in: V. M. Zhivov, Yu. V. Kagarlitskiy, eds., *Evolutsiia poniatii v svete istorii russkoi kul'tury*, Moscow, 2012, 130–150.

Кристина Юрьевна Андерс

преподаватель кафедры гуманитарных основ гражданской службы

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС

630102 Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6

Россия/Russia

christinaanders@yandex.ru

Received January 11, 2016